

У
Вчера постановлением Совета Министров РСФСР были присуждены Государственные премии в области литературы, искусства и архитектуры большой группе писателей, художников, деятелей театра, кинематографистов. Лауреатом премии имени М. Горького стал писатель Анатолий Калинин, автор повестей «Эхо войны», «Возврата нет».

Наш корреспондент беседует с Анатолием Калининым.

ЛЕЖАТСЯ к выжженным кручам курени хутора Пухляковского. Опрокинуты лодки на берегу. И дождь уже отшумел, а донская вода не отошла еще от кмури, не просветлела. Маленькая пристань вся была мокрой и казалась заброшенной, затерянной на большой реке. И

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС,



Анатолий Калинин

все увиделось таким знакомым, будто я вырос я на этом хуторе.

Кто только не сидел здесь, за куреном у Калинина, в беседе под раскидистым кудряшом. Лицо хозяина почернело ветрами, солнцем, в волосах иголочки седины. Разговор долог.

— Очень много дала мне работа в новочеркасской газете «Знамя Коммуны». В ту пору мы, районные газетчики, были и коллективизаторами, и строителями колхозов.

Много хуторов и станиц исходил тогда юный газетчик. Может, связь, возникшая с людьми еще тогда, в гридчатые годы, и привела его, молодого корреспондента «Комсомольской правды», в эти места, на хутор Пухляковский, после войны...

Дед Калинина — казак, имел неподалеку отсюда у хутора Власова Аюта земельный пай, но не обрабатывал его, был певчим в Новочеркасском донском окружном хоре.

Песни, услышанные Анатолием Вениаминовичем от деда, а сейчас поют люди, живущие рядом с ним. Может быть, эти песни научили его понимать, любить донскую землю.

А во время войны корреспондент «Комсомольской правды» был прикомандирован к сформированному в Кизляре

ских песках Донскому казачьему кавалерийскому корпусу. Прошел с ним большую часть войны. И отсвет этого пути лег на страницы романа «На юге», опубликованном в 1944 году в «Новом мире»...

— Ну, а здесь, — слышу я голос Калинина, — эти люди открывались уже по-иному. Я видел их на войне... Захотелось еще больше их узнать, почувствовать, не побоюсь этого слова, сердцем... И вот, если бы я не приехал в этот обычный казачий хутор, а приехал я сюда в 1946 году, еще с военными погонями, то, пожалуй, никогда и не стал бы писателем.

Много друзей появилось здесь у него — виноградари, рыбаки, хлеборобы, партийные работники. И хуторская жизнь врывалась в гостеприимный курень у Дона ночными стуками, являлась неожиданными посетителями. Одним что-то срочно надо было рассказать, другому — позвать куда-то... И все это становилось его повседневной жизнью со всеми ее заботами, неурядицами, радостями.

Он увлеченно рассказывал о секретаре бывшего Раздорского райкома партии Иване Григорьевиче Беляеве, о председателе райисполкома Марии Степановне Кашириной, о нынешнем первом секретаре Усть-Донецкого райкома партии Алек-

сандр Александровиче Акишеве.

— При всей разности их характеров, при всей непохожести их друг на друга, — говорит Анатолий Вениаминович, — они одержимы одной страстью: сделать жизнь людей интересной.

Трудно сказать, как это происходит, может быть, как в детстве. Услышишь в степи издали — «вжик-вжик». Поет колесо на арбе — «вжик-вжик». Размеренно покачиваются крутые бока волов. И однообразное пение колеса навевает такое, чего и не передать словами, в возникающих образы, образы...

Теперь уже наш разговор о Шолохове.

— Шолохов, — говорит Калинин, — для меня тот человек в литературе, мерой которого меряешь глубину познания жизни. На него равняешься. О нем думаешь, как о человеке, который может сказать: «Так писать нельзя, это плохо».

— Вот бьюсь над строкой и возвращаюсь мысленно к одному давнему эпизоду, — продолжает рассказ писатель, — как в 21-м году в слободе Раздорской (мои родители учительствовали там) нарезана была нам десятина земли. Собрали хлеб. Выпростили у зажиточного соседа молотилку. Прямо во дворе молотили хлеб. А потом мать зачерпнула большой мерой зерно. Ветерок. Полова отлетала, а тяжелые зерна падали из меры на лантух. Рос золотистый бугорок...

— Так вот, — возвращает Калинин в день сегодняшний, — бьюсь над строкой. ищу верное слово, и видится мне то отборное, чистое зерно на лантухе...

С чего начинается строка? С прикосновения к чему-то такому, что внезапно разбудит тебя, нарушит привычный ход мыслей, круто повернет его? Или возникает вдруг слово. Слово, услышанное случайно на берегу от человека, причалившего на лодке. Слово, обреченное им на песок... И река, и берег, и вербный остров, и лодка. Все это отпечаталось в памяти. откликнулось в душе. Что-то проснулось в тебе, и люди открылись. И ты начинаешь думать и писать об этом.

В. СКОРЯТИН.

Хутор Пухляковский,
Ростовская область.